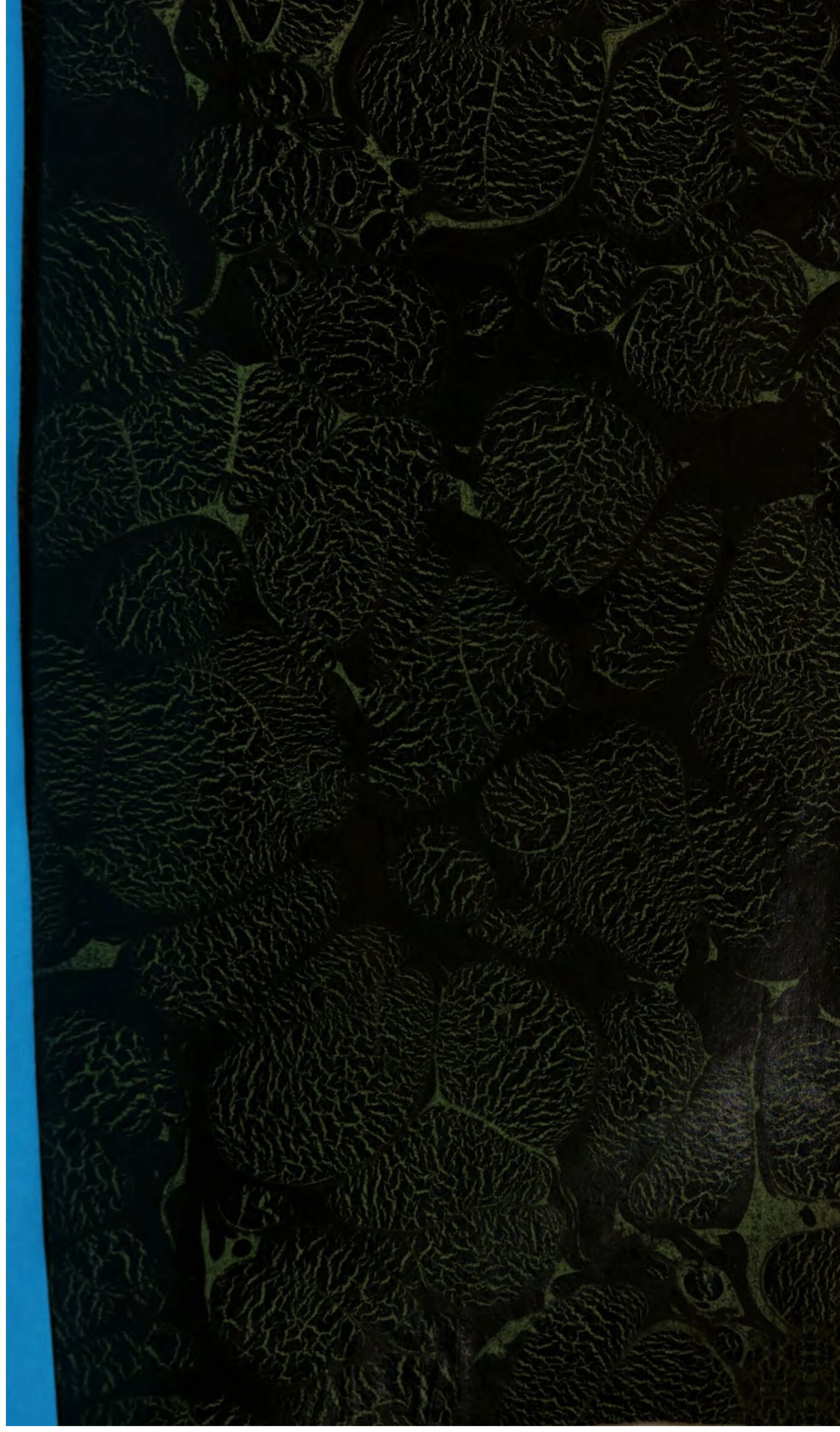

Row, 4481

Constitution in France

1791

The French Constitution

1791

1791

1791

1791

1791

1791

✓

Бахчисарайскій фронталь. X

Карелія. X

На Кончину Г. и. м. Александр 1. X

Безручная. X

Невста Ангосская. X

Родение Иоанно Тривнаго. X

Канцл. X

Сайменія Масанбенало. X

Quelques ventes de loisir à Toulchin. X

БАХЧИСАРАЙСКІЙ

ФОНТАНЪ.

85120

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.
**БАХЧИСАРАЙСКІЙ
ФОНТАНЪ.**

Сочиненіе

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

Многіе, также какъ и я, посѣщали
сей Фонтанъ; но иныхъ уже нѣтъ,
другіе странствуютъ далече.

Сади.

МОСКВА.

**ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧ. АКАДЕМІИ.**

1824.

БАХНАСАРАХАЙ

ФОНТАНЪ

СІДЕНІРЪ

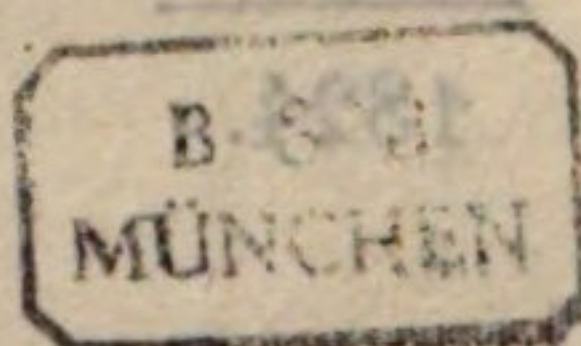
Печатамъ дозволяется съ тѣмъ, чтобы по
напечатаніи, до выпуска въ публику, пред-
ставлены были въ Ценсурный Комитетъ:
одинъ экземпляръ сей книги для Ценсур-
наго Комитета, другой для Департамен-
та Министерства Духовныхъ дѣлъ и На-
роднаго Просвѣщенія, два экземпляра для
ИМПЕРАТОРСКОЙ публичной Библіотеки
и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи
Наукъ. Декабря 10 дня 1823 года. Книгу
сію разсматривалъ Ординарный Профес-
соръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ

АЛЕКСѢЙ МЕРЗЛЯКОВЪ.

МОСКВА.

АННУАЛЪ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ БИБЛІОТЕКИ

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ. II

РАЗГОВОРЪ

МЕЖДУ ИЗДАТЕЛЕМЪ И КЛАССИКОМЪ СЪ ВЫБОРГСКОЙ
— СТОРОНЫ, ИЛИ СЪ ВАСИЛЬЕВСКАГО ОСТРОВА.

Кл. Правда ли, что молодой Пушкинъ печатаетъ новую, прелесть Поэму, то есть, поэму по романтическому значенію, а по нашему, незнаю какъ и назвать.

Изд. Да, онъ прислалъ Бахчисарайской фонтанъ, которой здѣсь теперь и печатается.

Кл. Нельзя не пожалѣть, что онъ много пишетъ; скоро выпишется.

Изд. Пророчества оправдываются событіемъ; для повѣрки нужно время;

а между тѣмъ замѣчу, что если онъ пишетъ много въ сравненіи съ нашими поэтами, которые почти ничего не пишутъ; то пишетъ мало въ сравненіи съ другими своими Европейскими сослуживцами. Байронъ, Вальперъ Скоппъ и еще нѣкоторые неупомимо пишутъ, и читаются не упомимо.

Кл. Выспавя эпихъ двухъ Бришанцевъ, вы думаете зажать ротъ крипикъ и возраженіямъ! Напрасно! Мы свойства неробкаго! Нельзя судить о дарованіи писателя по приспращію къ нему суевѣрной черни читателей. Своеправная, она часто оправдываетъ безъ вниманія писателей достойнѣйшихъ.

Изд. Не съ достойнѣйшимъ ли писателемъ имѣю честь говорить?

Кл. Эпиграмма — не сужденіе. Дѣло

III
въ помѣ , что пора испинной , класси-
ческой липперапуры у насъ минова-
лась. . .

Изд. А я такъ думалъ , что еще не
наспала. . .

Кл. Что нынѣ завелась какая-то
школа новая , никѣмъ не признанная ,
кромѣ себя самой ; не слѣдующая ни-
какимъ правиламъ , кромѣ своей при-
хоти , искажающая языкъ Ломоносова ,
пишущая на обумъ , щеголяющая новы-
ми выраженіями , новыми словами. . .

Изд. Взятными изъ Словаря Россій-
ской Академіи , и коимъ новыя поэмы
возвращили въ языкъ нашъ право
гражданства , похищенное , не знаю , за
какое пресупленіе и безъ суда ; ибо
до сей поры мы руководствуемся болѣе
употребленіемъ , которое свергнуто
быть можетъ употребленіемъ новымъ.

Законы языка нашего еще не приведены въ уложеніе; и какъ жаловаться на новизну выраженій? Развѣ прикажете подчинить языкъ и поэповъ нашихъ Китайской неподвижности? Смотриже на природу! лица человѣческія, соспавленные изъ однѣхъ и тѣхъ же часпей, вылипы не всѣ въ одну фізіогномію, а выраженіе естъ фізіогномія словъ.

Кл. За чѣмъ же по крайней мѣрѣ давать Рускимъ словамъ фізіогномію Нѣмецкую? Что значить у насъ эпопъ духъ, эпи формы Германскія? Кто ихъ ввелъ?

Изд. Ломоносовъ!

Кл. Вошъ эпо забавно!

Изд. А какъ же? Развѣ онъ не бралъ въ нововводимомъ спихосложеніи своемъ съемки съ формъ Германскихъ? Развѣ не подражалъ онъ современнымъ

Нѣмцамъ ? Скажу болѣе. Возмите при-
 знаменитыя эпохи въ исторіи нашей
 литературы, вы въ каждой найдете
 отпечатокъ Германской. Эпоха пре-
 образованія, сдѣланная Ломоносовымъ
 въ Рускомъ стихотворствѣ; эпоха
 преобразованія въ Руской прозѣ, сдѣ-
 ланная Карамзинымъ; нынѣшнее волне-
 ніе, волненіе романтическое и пропиву-
 законное, если пакъ хотите назвать
 его, не явно ли показываютъ господ-
 ствующую наклонность литературы
 нашей ! И пакъ наши поэты современ-
 ники слѣдуютъ движенію, данному Ло-
 моносовымъ ; разница только въ томъ,
 что онъ слѣдовалъ Гинперу и нѣко-
 торымъ другимъ изъ современниковъ, а
 не Гете и Шиллеру. Да и у насъ ли
 однихъ Германскія Музы распространя-
 ютъ свое владычество ? Смотрите

и во Франціи, — въ государствѣ, которое, по крайней мѣрѣ въ литературномъ отношеніи, едва не оправдало честолюбиваго мечпанія о *Всемирной державѣ*, и во Франціи, сіи хищницы пріемлютъ уже нѣкоторое господство, и выпѣсняютъ мѣстныя, наследственныя Власпи. Поэты, современники наши, не болѣе грѣшны поэповъ предшественниковъ. Мы еще не имѣемъ Рускаго покрова въ литературѣ; можетъ быть и не будетъ его, потому что нѣтъ; но во всякомъ случаѣ поэзія новѣйшая, такъ называемая романтическая, не менѣе намъ сродна, чѣмъ поэзія Ломоносова или Хераскова, которую вы силились выставить за классическую. Что есть народнаго въ Песнѣхъ и Россіадѣ, кромѣ именъ?

Кл. Что такое народность въ сло-

весности? Этой фигуры нѣтъ ни въ Піирикѣ Аристоклеса, ни въ Піирикѣ Горація.

Изд. Нѣтъ ея у Горація въ Піирикѣ, но есть она въ его твореніяхъ. Она не въ правилахъ, но въ чувствахъ. Оппечатокъ народности, мѣстности: вопль что составляетъ, можетъ быть, главное существеннѣйшее достоинство Древнихъ, и утверждаетъ ихъ право на вниманіе потомства. Глубокомысленный Миллеръ не даромъ во Всеобщей Исторіи своей указалъ на Капулла въ числѣ источниковъ, и упомянулъ о немъ въ характеристикѣ того времени.

Кл. Уже вы, кажется, хопите въ свою вольницу Романниковъ завербовать и древнихъ классиковъ. Того смотри, что и Гомеръ и Виргилій были Романшики.

* Quellen der Geschichte der Römer.

Изд. Назовите ихъ, какъ хотите ; но нѣтъ сомнѣнія, что Гомеръ, Гораций, Эсхиль имѣютъ гораздо болѣе сродства и соотношеній съ главами Романтической школы, чѣмъ съ своими холодными, рабскими послѣдователями, кои сисяпса бытъ Греками и Римлянами заднимъ числомъ. Неужели Гомеръ сотворилъ *Иліаду*, предугадывая Аристопела и Лонгина, и въ угожденіе какой-то классической совѣсти, еще тогда не вымысленной? Да и позвольте спросить у себя и у спарѣйшинъ вашихъ, опредѣлено ли въ точности, что такое *Романтической родъ*, и какія имѣетъ онъ отношенія и противоположности съ классическимъ? Признаюсь, по крайней мѣрѣ за себя, что еще не случилось мнѣ опъискавъ ни въ книгахъ, ни

въ умѣ своемъ , сколько о томъ ни читалъ , сколько о томъ ни думалъ , полного , математическаго , удовлетворительнаго рѣшенія этой задачи. Многие вѣрують въ классической родъ потому , что такъ имъ вѣрно ; многие не признають Романпическаго рода потому , что онъ не имѣетъ еще законодательей , обязавшихъ въ вѣрности безусловной и непрекословной. На романпизмъ смотрять , какъ на анархію своевольную , разрушительницу постановленій , освященныхъ древностію и суевѣріемъ. Шлегель и Гжа. Спаль не облечены въ лапы свинцоваго педантизма , опъ нихъ не несетъ схоластическою важностію , и правила ихъ для нѣкоторыхъ людей не имѣють вѣса , потому что не налагають съ важностію ; не всѣ изъ насъ поддаются заман-

чивости, увлеченію, многіе только что порабощающія господству. *Стадо подражателей*, о коихъ говоритъ Гораций, не переводится изъ рода въ родъ. Что дѣйствуетъ на умы многихъ учениковъ? Хорошая указка, съ коею учитель по пальцамъ вбивающъ умъ въ своихъ слушателей. Чѣмъ пастырь гонитъ свое стадо по дорогѣ прогонной? Твердымъ посохомъ. Наша братья любятъ рабствовать.

Кл. Вы такъ много мнѣ здѣсь наговорили, что я не успѣлъ къ спани сдѣлать опоръ вамъ слѣдующимъ возраженіемъ: Доказательствомъ, что въ Романтической имперіи нѣтъ никакого смысла, можетъ служить то, что и самое названіе ея не имѣетъ смысла определеннаго, утвержденнаго общимъ условіемъ. Вы сами признались

въ помѣ ! весь свѣтъ знаетъ , что такое классическая липперапура , чего она пребуесть . . .

Изд. Потому что условились въ опредѣленіи , а для романтической липперапуры еще не было времени условишься . Начало ея въ природѣ ; она естъ ; она въ обращеніи , но не поступила еще въ руки анапомиковъ . Дайте срокъ ! придетъ часъ , педанство и на ея воздушную одежду положишь свое свинцовое клеймо . Въ копоромъ нибудь столѣтіи Бейронъ , Томасъ Муръ , какъ нынѣ Анакреонъ или Овидій попадутся подъ рѣзецъ испытателей , и цвѣты ихъ яркой и свѣжей поэзіи попускнѣютъ опъ кабинетной пыли , и закопшяпся опъ лампаднаго чада комментаторовъ , аншикваріевъ , схоласпиковъ ; прибавимъ , если поль-

ко въ будущихъ сполѣпіяхъ найдутся люди, живущіе чужимъ умомъ и кои, подобно Вампирамъ, роются въ гробахъ, гложутъ и жуютъ мертвыхъ, не забывая при томъ кусать и живыхъ...

Кл. Позвольте, между шѣмъ, замѣтити вамъ мимоходомъ, что ваши опспупленія совершенно романпическія. — Мы начали говорить о Пушкинѣ, отъ него кинуло насъ въ древность, а теперь забѣжали вы и въ будущія сполѣпія.

Изд. Виновать! я и забылъ, что для вашего брата классика такіе походы не въ силу. Вы держитесь единспва времени и мѣста. У васъ умъ домосѣдъ. Извините — я оспепенюсь; чего вы отъ меня желаете?

Кл. Я желалъ бы знать о содержаніи такъ называемой поэмы Пушкина. При-

знаюся, изъ заглавія не понимаю, что пишу можетъ быть годнаго для поэмы. Понимаю, что можно написать къ *фонтану* спансы, даже оду.

Изд. Да, шѣмъ болѣе, что у Горація уже есть *Бландузскій ключь*.

Кл. Впрочемъ мы романпиками пріучены къ нечаянноспямъ. Заглавіе у нихъ эластическаго свойства: споймъ только захопѣмъ и оно обхватишь все видимое и невидимое; или обѣщаетъ одно, а исполнишь совершенно другое. Но расскажите мнѣ...

Изд. Преданіе, извѣстное въ Крыму и понынѣ, служишь основаніемъ поэмѣ. Рассказываютъ, что Ханъ Керимъ Гирей похитилъ красавицу Попоцкую, и содержалъ ее въ Бахчисарайскомъ гаремѣ; полагають даже, что онъ былъ обвинчанъ съ нею. Преданіе сіе сомни-

пельно и Г. Муравьевъ-Апостоль въ путешествіи своемъ по Тавридѣ, не давно изданномъ, воспоминаеть, и кажется довольно основательно, пропивъ вѣроянія сего разсказа. Какъ бы то ни было, — сіе преданіе естъ достояніе поэзіи.

Кл. Такъ! въ наше время обрапили Музы въ разскащицы всякихъ небылицъ! Гдѣ же достоинство поэзіи, если питають ее однѣми сказками?

Изд. Исторія не должна быть легковѣрна; поэзія напропивъ. Она часно дорожишь пѣмъ, что первая опвергаетъ съ презрѣніемъ, и нашъ поэтъ очень хорошо сдѣлалъ, присвоивъ поэзіи Бахчисарайское преданіе, и обогативъ его правдоподобными вымыслами; а еще и того лучше, что онъ воспользовался пѣмъ и другимъ съ опличнымъ

искусствомъ. Цвѣтъ мѣстности сохраненъ въ повѣствованіи со всею воз-
можною свѣжестью и яркостью. Есть
отпечатокъ Воспичный въ картинахъ,
въ самыхъ чувствахъ, въ слогѣ. По
мнѣнію судей, коихъ приговоръ мо-
жетъ считаться окончательнымъ въ
словесности нашей, поэтъ явилъ въ
новомъ произведеніи признакъ дарова-
нія зрѣющаго болѣе и болѣе.

Кл. Кто эти судьи? мы другихъ не
признаемъ, кромѣ *Вѣстника Европы*
и *Благонравнаго*; и по этому,
что пишемъ съ ними за одно. Дождем-
ся, что они скажутъ!

Изд. Ждите съ Богомъ! а я пока
скажу, что рассказъ у Пушкина живъ и
занимателенъ. Въ произведеніи его дви-
женія много. Въ раму довольно тѣсную
вложилъ онъ дѣйствіе полное, не отъ

множества лицъ и сцѣпленія различныхъ приключеній, но опъ искусва, съ какимъ поэпъ умѣлъ выснавишь и оппѣнишь главныя лица своего повѣснвованія! *Дѣйствіе* зависипъ, такъ сказапъ, опъ *дѣятельности* дарованія: слогъ придаепъ ему крылья или гириами замедляепъ ходъ его. Въ швореніи Пушкина учаспіе чипапеля поддерживаепся съ начала до конца. — До опой пайны иначе доснигнушь нельзя, какъ заманчивоспью слога.

Кл. Со всѣмъ шѣмъ я увѣренъ, что, по обыкновенію романпическому, все это дѣйспвіе только слегка обозначено. Чипапель въ подобныхъ случаяхъ долженъ быпъ подмасперьемъ авшора и за него досказывапъ. Легкіе намеки, туманныя загадки: вопъ маперіалы, изгопцовленные романпическимъ

Поэтомъ , а тамъ чипашель дѣлай изъ нихъ, чпо хочешъ. Романпической зодчій оспавляешъ на произволь каждому распоряженіе и успройство зданія — сущаго воздушнаго замка , не имѣющаго ни плана , ни основанія.

Изд. Вамъ не довольно того , чпо вы передъ собою видише зданіе красивое : вы пребуеше еще , чпобъ видѣнь былъ и осповъ его. Въ изящныхъ пвореніяхъ довольно одного дѣйспвія общаго ; чпо за охопа видѣнь производспво ? Твореніе испускна — обманъ. Чѣмъ менѣе выказываешся прозаическая связь въ часпяхъ , тѣмъ болѣе выгоды въ опношеніи къ цѣлому. Часпыя мѣспоименія въ рѣчи замедляютъ ея печеніе , охлаждають расказъ. Еспь въ изобрѣшеніи и въ вымыслѣ также свои мѣстоименія , опъ коихъ дарованіе спараш-

ся отдѣлявапсья удачными эллипсисами. За чѣмъ все высказывапсь, и на все напиралъ, когда имѣемъ дѣло съ людьми понятія дѣятельнаго и оспраго? а о людяхъ понятія лѣниваго, тупаго и думапсь нечего. Это напоминаетъ мнѣ объ одномъ классическомъ чипапелѣ, который никакъ не понималъ, что сдѣлалось въ *Кавказскомъ Пльнникѣ* съ Черкешенкою при стихахъ:

И при лунѣ въ водахъ плеснувшихъ
Спруиспый исчезаетъ кругъ.

Онъ пѣнялъ Поэпу, за чѣмъ топъ не облегчилъ его догадливоспи, сказавъ прямо и буквально, что Черкешенка бросилась въ воду и упонула. Оспавимъ прозу для прозы! И пакъ довольно ея въ жипейскомъ быпу и въ стихопвореніяхъ, печатаемыхъ въ Вѣспникѣ Европы.

Р. С. Тупъ Классикъ мой оспавиль
 меня съ поропливостію и гнѣвомъ, и
 мнѣ вздумалось положишь на бумагу
 разговоръ, происходившій между нами.
 Перечитывая его, мнѣ впало въ умъ,
 что могушь подозрѣвать меня въ лу-
 кавствѣ; скажушь: «Издатель нарочно
 ослабилъ возраженія своего пропивника,
 и съ умысломъ ушайлъ все, что могло
 вырваться у него дѣльнаго на защипу
 своего мнѣнія!» — Передъ недоѣрчиво-
 стію оправдываешь напрасно! но пу-
 скай обвинители мои примушь на себя
 трудъ перечитавъ все, что въ нѣко-
 торыхъ изъ журналовъ нашихъ было
 сказано и пересказано на счетъ роман-
 тическихъ опытовъ, — и вообще на
 счетъ новаго поколѣнія Поэзіи нашей:
 если изъ всего того выключишь гру-
 быя личности и пошлыя насмѣшки,

по безъ сомнѣнія каждый легко увѣ-
рился, что мой собесѣдникъ подъ пару
своимъ журнальнымъ клевершамъ.

БАХЧИСАРАЙСКІЙ

ФОНТАНЪ.

Гирей сидѣль пошупя взоръ ;

Яншаръ въ устахъ его дымился ;

Безмолвно раболѣпный Дворъ

Вкругъ Хана грознаго шѣсился.

Все было шихо во дворцѣ,

Благоговѣя, всѣ чинали

Примѣшны гнѣва и печали

На сумрачномъ его лицѣ.

Но повелишель горделивой

Махнулъ рукойъ нестерпѣливой
И всѣ, склонившись, идушъ вонъ.

Одинъ въ своихъ чертогахъ онъ ;
Свободнѣй грудь его вздыхаетъ,
Живѣе строгое чело
Волненье сердца выражаетъ:
Такъ бурны пучи отражаетъ
Залива зыбкое стекло.

Что движешь гордою душою?
Какою мыслью заняшь онъ?
На Русь ли вновь идешь войною,
Несешь ли Польшѣ свой законъ,
Горишь ли местию кровавой,
Ошкрылъ ли въ войскѣ заговоръ,
Спрашился ли народовъ горь,
Иль козней Генуи лукавой?

Нѣтъ, онъ скучаетъ бранной славой;
 Усшала грозная рука;
 Война ошъ мыслей далека.

Ужель въ его Гаремъ измѣна
 Сшезей преспушною вошла;
 И дочь неволи, нѣтъ и плѣна
 Гяуру сердце ошдала?

Нѣтъ, жены робкія Гирея
 Ни думашъ, ни желашъ не смѣя,
 Цвѣшуть въ унылой тишинѣ;
 Подъ спражей бдишельной и хладной
 На лонѣ скуки безошрадной
 Измѣнь не вѣдають онѣ.
 Въ тѣни хранишельной шемницы
 Ушаены ихъ красоты:
 Такъ Аравійскіе цвѣшты

Живушъ за стеклами теплицы.

Для нихъ унылой чередой

Дни, мѣсяцы, лѣта проходяшъ

И непримѣтно за собой

И младость и любовь уводяшъ.

Однообразенъ каждый день

И медленно часовъ печенье.

Въ Гаремѣ жизнью правишъ лѣнь ;

Мелькаешъ рѣдко наслаждение ;

Младая жены, какъ нибудь

Желая сердце обманушъ ,

Мѣняюшъ пышные уборы ,

Заводяшъ игры, разговоры ;

Или при шумѣ водъ живыхъ ,

Надъ ихъ прозрачными струями

Въ прохладѣ яворовъ густыхъ

Гуляюшъ легкими роями.

Межъ ними ходишъ злой эвнухъ

И убѣгаешь его напрасно :
 Его ревнивый взоръ и слухъ
 За всѣми слѣдуешь всечасно.
 Его стараньемъ заведенъ
 Порядокъ вѣчный. Воля Хана
 Ему единственнѣйшій законъ ;
 И самыя главы Корана
 Не строже наблюдаетъ онъ.
 Его душа любви не проситъ ;
 Какъ испуганъ онъ переноситъ
 Насмѣшки , ненависть , укоръ ,
 Обиды шалости нескромной ,
 Презрѣнье , просьбы робкій взоръ ,
 И тихій вздохъ , и ропотъ шомной.
 Ему извѣстенъ женскій нравъ ;
 Онъ испыталъ , сколь онъ лукавъ
 И на свободѣ и въ неволѣ :
 Взоръ нѣжный , слезъ упрекъ нѣмой

Не властны надъ его душой,
Онъ имъ уже не вѣришь болѣ.

Раскинувъ легкіе власы,
Какъ идущъ плѣнницы младыя
Купаться въ жаркіе часы,
И льющая волны ключевыя
На ихъ волшебныя красы:
Забавъ ихъ спорожь неоплутный
Онъ шутъ; онъ видишь, равнодушный,
Прелестницъ обнаженный рой;
Онъ по Гарему въ тѣмѣ ночной
Неслышными шагами бродишь;
Сстукая тихо по коврамъ,
Къ послушнымъ крадешися дверямъ,
Ошъ ложа къ ложу переходишь;
Въ заботѣ вѣчной Ханскихъ жёнъ
Роскошный наблюдаешь сонъ,

Ночной подслушиваетъ лепешъ ;
 Дыханье , вздохъ , малѣйшій шрепешъ—
 Все жадно примѣчаетъ онъ ;
 И горе той , чей шопотъ сонной
 Чужое имя призывалъ ,
 Или подругѣ благосклонной
 Порочны мысли довѣрялъ !

Чшожь полною грусти умъ Гирея ?
 Чубукъ въ рукахъ его попухъ ;
 Недвижимъ , и дохнушь не смѣя ,
 У двери знака ждешь эвнухъ.
 Встаетъ задумчивый власшипель ;
 Предъ нимъ дверь наснижь. Молча, онъ
 Идешь въ завѣшную обишель
 Еще недавно-милыхъ женъ.

Безпечно ожидая Хана ,
 Вокругъ игриваго фоншана

На шелковыхъ коврахъ онѣ
 Толпою рѣзвою сидѣли
 И съ дѣтской радостью глядѣли,
 Какъ рыба въ ясной глубинѣ
 На мраморномъ ходила днѣ.
 Нарочно къ ней на дно иныя
 Роняли серги золошья.
 Кругомъ невольницы межъ тѣмъ
 Шербешъ носили ароматной
 И пѣсню звонкой и пріятной
 Вдругъ огласили весь Гаремъ :

ТАТАРСКАЯ ПѢСНЯ.

1

« Даруешь Небо человѣку
 Замѣну слезъ и часныхъ бѣдъ :
 Блаженъ Факиръ , узрѣвшій Меку
 На староси печальныхъ дѣлѣхъ.

« Блаженъ , кто славный брегъ Дуная
 Своею смертью освящитъ :
 Къ нему на встрѣчу дѣва Рая
 Съ улыбкой спросиной полещитъ . »

« Но пошъ блаженный , о Зарема !
 Кшо миръ и нѣгу возлюбя ,
 Какъ розу , въ шипинѣ Гарема
 Делѣешь , милая , себя . »

Онѣ поютъ ; но гдѣ Зарема ,
 Звѣзда любви , краса Гарема ? —
 Увы ! печальна и блѣдна ,
 Похвалъ не слушаетъ она .

Какъ пальма, смятая грозою,
 Поникла юной головою;
 Ни что, ни что не мило ей:
 Зарему разлюбилъ Гирей.

Онъ измѣнилъ! но кшо съ тобою,
 Грузинка, равень красотою?
 Вокругъ лилейнаго чела
 Ты косу дважды обвила;
 Твои плѣнительныя очи
 Яснѣ дня, чернѣ ночи;
 Чей голосъ выразишь сильнѣй
 Порывы пламенныхъ желаній?
 Чей спраспный поцѣлуй живѣй
 Твоихъ пронзительныхъ лобзаній?
 Какъ сердце, полное побой,
 Забьется для красоты чужой?
 Но равнодушный и жестокой,

Гирей презрѣлъ свои красы
 И ночи хладные часы
 Проводишь мрачный, одинокой
 Съ тѣхъ поръ, какъ Польская Княжна
 Въ его Гаремъ заключена.

Недавно юная Марія
 Узрѣла небеса чужія ;
 Недавно милою красой
 Она цвѣла въ спранѣ родной,
 Сѣдой отецъ гордился ею,
 И звалъ опрадою своею.
 Для сшарика была законъ
 Ея младенческая воля.
 Одну забошу вѣдалъ онъ :
 Чтوبъ дочери любимой доля
 Была, какъ вешній день, ясна ;
 Чтобъ и минувныя печали

Ея души не помрачили ;
Чшобъ даже за мужемъ она
Вспомнила съ умиленьемъ
Дѣвичье время , дни забавъ ,
Мелькнувшихъ легкимъ сновидѣньемъ.
Все въ ней плѣняло : тихій нравъ ,
Движенья стройныя , живыя
И очи темно-голубыя.
Природы милыя дары
Она искусствомъ украшала ;
Она домашніе пиры
Волшебной арфой оживляла ;
Толпы вельможъ и богачей
Руки Маріиной искали ,
И много юношей по ней
Въ ссраданьи шайномъ изнывали.
Но въ тишинѣ души своей
Она любви еще не знала

И независимой досугъ
 Въ опцовскомъ замкѣ межъ подругъ
 Одиѣмъ забавамъ посвящала.

Давноль? и чтоже! тѣмъ Ташаръ
 На Польшу хлынули рѣкою.
 Не съ столь ужасной быспрошою
 По жатвѣ спелешся пожаръ.
 Обезображенный войною,
 Цвѣтущій край осиротѣлъ;
 Изчезли мирныя забавы,
 Уныли селы и дубравы
 И пышный замокъ опустѣлъ.
 Тиха Маріина свѣтлица...
 Въ домовой церкви, гдѣ кругомъ
 Почіюшъ мощи хладнымъ сномъ,
 Съ короной, съ княжескимъ гербомъ
 Воздвиглась новая гробница.

Отецъ въ могилѣ , дочь въ плѣну ,
 Скупой наследникъ въ замкѣ правишь,
 И тягостнымъ ярмомъ безславишь
 Опустошенную страну.

Увы ! дворецъ Бахчисарая
 Скрываетъ юную Княжну.
 Въ неволѣ тихой увядая ,
 Марія плачетъ и груститъ.
 Гирей несчастную щадишь:
 Ея унынье , слёзы , стоны
 Тревожатъ Хана крашкѣй сонъ,
 И для нее смягчаетъ онъ
 Гарема спрогѣ законы.
 Угрюмый сторожъ Ханскихъ жёнъ
 Ни днемъ , ни ночью къ ней не входитъ;
 Рукой заботливой не онъ
 На ложе сна ее возводитъ.

Не смѣешь успремишься къ ней
 Обидный взоръ его очей ;
 Она въ купальнѣ пощаенной
 Одна съ невольницей своей ;
 Самъ Ханъ боишся дѣвы плѣнной
 Печальной возмущать покой ;
 Гарема въ дальнемъ опдѣленнѣ
 Позволено ей жить одной ,
 И мнишся, въ томъ уединеннѣ
 Сокрылся нѣкто не земной . . .
 Тамъ день и ночь горитъ лампада
 Предъ ликомъ Дѣвы Пресвятой ,
 Души тоскующей ограда ;
 Тамъ упованье въ тишинѣ
 Съ смиренной Вѣрой обихаетъ ,
 И сердцу все напоминаетъ
 О близкой , лучшей сторонѣ ;
 Тамъ дѣва слезы проливаетъ

Вдали зависливыхъ подругъ;
 И между шѣмъ какъ все вокругъ
 Въ безумной нѣгѣ ушопашъ,
 Священію спрогую скрываешъ
 Спасенный чудомъ уголокъ.
 Такъ сердце, жертва заблужденій,
 Среди порочныхъ упоеній
 Хранишь одинъ свяшой залогъ,
 Одно божественное чувство. . . .

— . — . — . — . — .
 — . — . — . — . — .
 Настала ночь; покрылся шѣною
 Тавриды сладостной поля;
 Вдали, подъ шихой лавровъ сѣною
 Я слышу пѣнье соловья;
 За хоромъ звѣздъ луна возходитъ;

Она съ безоблачныхъ небесъ
 На доли, на холмы, на лѣсъ
 Сіянье томное наводишь.
 Покрыты бѣлой пеленой,
 Какъ тѣни легкія мелькая,
 По улицамъ Бахчисарая,
 Изъ дома въ домъ, одна къ другой,
 Проспыхъ Ташаръ спѣшаютъ супруги
 Дѣлишь вечерніе досуги.
 Дворецъ ушихъ; уснуль Гаремъ,
 Объятый нѣгой безмятежной;
 Не прерывается ничѣмъ
 Спокойство ночи. Спражь надежной
 Дозоромъ обошелъ эвнухъ.
 Теперь онъ спитъ; но спражь прилежной
 Тревожишь въ немъ и спящій духъ.
 Измѣнь всечасныхъ ожиданье
 Покоя не даешь уму.

То чей-то шорохъ, то шепшанье,
 То крики чуждаго ему;
 Обманушый невѣрнымъ слухомъ
 Онъ пробуждается, дрожитъ,
 Напуганнымъ прикинувъ ухомъ....
 Но все кругомъ его молчитъ;
 Одни фоншаны сладкозвучны
 Изъ мраморной пещеры бьютъ,
 И съ милой розой неразлучны
 Во мракъ соловьи поютъ;
 Эвнухъ еще имъ долго внемлетъ
 И снова сонъ его объемлетъ.

Какъ милы темныя красы
 Ночей роскошнаго Востока!
 Какъ сладко льются ихъ часы
 Для обожашелей Пророка!
 Какая нѣга въ ихъ домахъ,

Въ очаровательныхъ садахъ,
 Въ тиши Гаремовъ безопасныхъ,
 Гдѣ подъ вліяніемъ луны
 Все полно тайнъ и тишины
 И вдохновеній сладострастныхъ!

— . — . — . — . — . — .
 Всѣ жены спятъ. Не спитъ одна.
 Едва дыша, вспадаетъ она;
 Идетъ; рукою поропливой
 Открыла дверь; во тьмѣ ночной
 Спускаетъ легкою ногой.
 Въ дремотѣ чуткой и пугливой
 Предъ ней лежатъ эвнухъ съдой.
 Ахъ! сердце въ немъ неумолимо;
 Обманчивъ сна его покой!
 Какъ духъ, она промчалась мимо.

— . — . — . — . — . — .
 Улыбкой тонкой и юной 2*

Предъ нею дверь съ недоумѣньемъ
 Ея дрожащая рука
 Коснулась вѣрнаго замка.
 Вошла, взираетъ съ изумленьемъ.
 И тайный страхъ въ нее проникъ.
 Лампады свѣтъ уединенный,
 Кивотъ печалью озаренный,
 Пречистой Дѣвы крошкѣй ликъ
 И Крестъ, любви символъ священный,
 Грузинка! все въ душѣ твоей
 Родное что-то пробудило,
 Все звуками забытыхъ дней
 Невняшно вдругъ заговорило.
 Предъ ней покоилась Княжна
 И жаромъ дѣвственнаго сна
 Ея ланины оживлялись,
 И слезъ являя свѣжій слѣдъ,
 Улыбкой томной озарялись.

Такъ озаряешь лунный свѣтъ ;
 Дождемъ осягощенный цвѣтъ ;
 Спорхнувшій съ неба сынъ Эдема,
 Казалось, Ангелъ почивалъ,
 И сонный, слезы проливалъ,
 О бѣдной плѣнницѣ Гарема.
 Увы, Зарема, что съ тобой?
 Стысилась грудь ея поскою,
 Невольно клонящая колѣни,
 И молишь: „сжался надо мной,
 Не отвергай моихъ моленій,
 Ея слова, движенье, стонъ
 Прервали дѣвы тихій сонъ;
 Княжна со страхомъ предъ собою
 Младую незнакомку зришь;
 Въ смятеньи, шепетной рукою
 Ее подымля, говоришь:
 „Кто ты?... одна, порой почною

За чѣмъ ты здѣсь? — Я шла къ тебѣ,
 Спаси меня; въ моей судьбѣ
 Одна надежда мнѣ осталась.
 Я долго счастьемъ наслаждалась,
 Была безпечнѣй день о дняхъ.
 И жизнь блаженства миновалась;
 Я гибну. Выслушай меня.

Родилась я не здѣсь, далеко,
 Далеко. . . . но минувшихъ дней
 Предметы въ памяти моей
 Донынѣ вѣзаны глубоко,
 Я помню горы въ небесахъ,
 Попоки жаркіе въ горахъ,
 Непроходимыя дубравы,
 Другой законъ, другіе нравы;
 Но почему, какой судьбой
 Я край оставила родной,

Не знаю ; помню только море
И человека въ вышинѣ
Надъ парусами
Страхъ и горе
Донынѣ чужды были мнѣ ;
Я въ безмяшежной тишинѣ
Въ тѣни Гарема разцвѣтала ,
И первыхъ опышовъ любви
Послушнымъ сердцемъ ожидала.
Желанья шайныя мои
Сбылись. Гирей для мирной нѣги
Войну кровавую презрѣль ,
Пресѣкъ ужасные набѣги
И свой Гаремъ оцять узрѣлъ.
Предъ Хана въ смущенномъ ожиданьи
Предстали мы. Онъ свѣшлый взоръ
Остановилъ на мнѣ въ молчаньи ,
Позвалъ меня и съ этихъ поръ

Мы въ непрерывномъ упоеньи
 Дышали счастьемъ , и ни разъ
 Ни клевета , ни подозрѣнье ,
 Ни злобной ревности мученье ,
 Ни скука не смущала насъ.

Марія ! ты предъ нимъ явилась.....

Увы ! съ тѣхъ поръ его душа
 Пресупной думой омрачилась.

Гирей , измѣною дыша ,

Моихъ не слушаешь укоровъ ,

Ему докучень сердца сшонъ ;

Ни прежнихъ чувствъ , ни разговоровъ

Со мною не находишь онъ.

Ты пресупленью не причастна ;

Я знаю : не твоя вина.....

И такъ послушай : я прекрасна ,

Во всемъ Гаремъ ты одна

Моглабъ еще мнѣ быть опасна ;

Но я для сирасии рождена,
 Но ты любишь, какъ я, не можешь;
 За чѣмъ же хладной красою
 Ты сердце слабое превозишь?
 Оставь Гирея мнѣ; онъ мой:
 На мнѣ горяшь его лобзанья,
 Онъ кляпвы сирашныя мнѣ далъ,
 Давно всѣ думы, всѣ желанья
 Гирей съ моими сочешалъ;
 Меня убьешь его измѣна.
 Я плачу; видишь, я колѣна
 Теперь склоняю предъ тобою,
 Молю, винишь тебя не смѣя,
 Ошдай мнѣ радость и покой,
 Ошдай мнѣ прежняго Гирея.
 Не возражай мнѣ ничего;
 Онъ мой! онъ ослѣпленъ тобою.
 Презрѣнъемъ, прозьбами, тоскою,

Чѣмъ хочешь , отъврати его ;
 Клянись. (хошь я для Ал-Корана ,
 Между невольницами Хана ,
 Забыла вѣру прежнихъ дней ;
 Но вѣрой матери моей
 Была швоя) клянись мнѣ ею
 Зарему возвратишь Гирею.
 Но слушай : если я должна
 Тебѣ. кинжаломъ я владѣю ,
 Я близъ Кавказа рождена. — «

Сказавъ , исчезла вдругъ. За нею
 Не смѣешь слѣдовать Княжна,
 Невинной дѣвѣ непоняшенъ
 Языкъ мучительныхъ спрашей ,
 Но голосъ ихъ ей смущно вняшенъ ;
 Онъ страненъ , онъ ужасенъ ей.
 Какія слезы и моленья

Ее спасушь отъ посрамленья?
 Чшо ждешь ее? уже ли ей
 Остатокъ горькихъ юныхъ дней
 Провесить наложницей презрѣнной?
 О Боже! если бы Гирей
 Въ ея темницѣ опдаленной
 Забылъ несчастную на вѣкъ,
 Или кончиной ускоренной
 Унылы дни ея пресѣкъ!
 Съ какою бѣ радостью Марія
 Оставила печальный свѣтъ!
 Мгновенья жизни дорогія
 Давно прошли, давно ихъ нѣтъ!
 Чшо дѣлашь ей въ пустынь мѣра?
 Ужъ ей пора, Марию ждущь
 И въ небеса, на лоно мира,
 Родной улыбкою зовущь.

Промчались дни ; Маріи нѣтъ.
 Мгновенно сирота почила.
 Она давно-желанный свѣтъ,
 Какъ новый Ангель , озарила.
 Но что же въ гробъ ее свело ?
 Тоска ль неволи безнадёжной,
 Болѣзнь, или другое зло ?
 Кто знаетъ ? — Нѣтъ Маріи нѣжной !
 Дворецъ угрюмый опустилъ ;
 Его Гирей оцѣпъ оставилъ ;
 Съ шолпой Ташаръ въ чужой предѣлъ
 Онъ злой набѣгъ оцѣпъ направилъ ;
 Онъ снова въ буряхъ боевыхъ
 Несется мрачный , кровожадный :
 Но въ сердцѣ Хана чувствъ иныхъ
 Тайтся пламень безотрадный.
 Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ
 Подъемлетъ саблю , и съ размаха —

Недвижимъ остаеися вдругъ,
 Глядишь съ безуміемъ вокругъ,
 Блѣднѣешь, будто полный страха,
 И что-то шепчешь, и порой
 Горючи слезы льешь рѣкой.

Забытый, преданный презрѣнью
 Гаремъ не зришь его лица;
 Тамъ, обреченныя мученью,
 Подъ стражей хладнаго скопца
 Старѣють жены. Между ними
 Давно Грузинки нѣтъ; она
 Гарема спражами нѣмыми
 Въ пучину водъ опущена.
 Въ ту ночь, какъ умерла Княжна,
 Свершилось и ея страданье.
 Какаябъ ни была вина,
 Ужасно было наказанье! —

Опустошивъ огнемъ войны
 Кавказу близкія селаны
 И селы мирныя Россіи,
 Въ Тавриду возвратился Ханъ,
 И въ память горестной Маріи
 Воздвигнулъ мраморный фонтанъ
 Въ углу дворца уединенный.
 Надъ нимъ Крестомъ осынена
 Магомешанская луна
 (Символь конечно дерзновенный,
 Незнанья жалкая вина).
 Есть надпись : ѣдкими годами
 Еще не сгладилась она.
 За чуждыми ея чертами
 Журчишь во мраморъ вода
 И каплетъ хладными слезами,
 Не умолкая никогда.
 Такъ плачешь мать во дни печали

О сынъ , падшемъ на войнѣ.
 Младая дѣвы въ той странѣ
 Преданье старины узнали
 И мрачный памятникъ онѣ
 Фонтаномъ слёзъ именovali.

Покинувъ Сѣверъ наконецъ,
 Пирь на долго забывая,
 Я посѣтилъ Бахчисарая
 Въ забвеньи дремлющій дворецъ.
 Среди безмолвныхъ переходовъ
 Бродилъ я шамъ , гдѣ бичь народовъ,
 Тапаринъ буйный пировалъ
 И послѣ ужасовъ набѣга
 Въ роскошной лѣни утопалъ.
 Еще понынѣ дышешь нѣга
 Въ пустыхъ покояхъ и садахъ;
 Играють воды , рдѣють розы

И вьюшся виноградны лозы,
 И злато блещетъ на стѣнахъ.
 Я видѣлъ вѣтхія рѣшетки,
 За коими, въ своей веснѣ,
 Яншарны разбирая чешки,
 Вдыхали жены въ пишинѣ.
 Я видѣлъ Ханское кладбище,
 Владыкъ послѣднее жилище.
 Сии надгробные столбы,
 Вѣнчанны мраморной чалмою,
 Казалось мнѣ, завѣшь судьбы
 Гласили вняшною молвою.
 Гдѣ скрылись Ханы? гдѣ Гаремъ?
 Кругомъ все тихо, все уныло,
 Все измѣнилось. . . . но не шѣмъ
 Въ то время сердце полно было
 Дыханье розъ, фоншановъ шумъ
 Влекли къ невольному забвенью,

Невольно предавался умъ
 Незъяснимому волненью,
 И по дворцу лепучей тѣнью
 Мелькала дѣва предо мной! —

— . — . — . — . —
 Чью тѣнь, о други, видѣлъ я,
 Скажите мнѣ: чей образъ нѣжный
 Тогда преслѣдовалъ меня
 Неопразимый, неизбѣжный?
 Маріи ль чистая душа
 Являлась мнѣ, или Зарема
 Носилась, ревностью дыша,
 Средь опустѣлаго Гарема?

Я помню споль же милый взглядъ
 И красоту еще земную;

— . — . — . — . —
 — . — . — . — . —

Поклонникъ Музъ , поклонникъ мира ,
 Забывъ и славу и любовь ,
 О! скоро васъ увижу вновь
 Брега веселые Салгира!
 Приду на склонъ приморскихъ горъ ,
 Воспоминаній пайныхъ полный ,
 И вновь Таврическія волны
 Обрадуюшъ мой жадный взоръ.
 Волшебный край ! очей оспрада !
 Все живо шамъ : холмы , лѣса ,
 Янтарь и яхоншъ винограда ,
 Долинъ пріюшная краса ,
 И струй и пополей прохлада.
 Все чувство пушника манишъ ,
 Когда въ часъ утра безмяшежной ,
 Въ горахъ , дорогою прибрежной ,
 Привычный конь его бѣжишъ ,
 И зеленѣющая влага

Предъ нимъ и блещеть и шумишь
Вокругъ ушесовъ Аю-дага. . . .

Желая познакомить читателей, не бывавшихъ въ Тавридѣ, со сценою повѣствованія Поэма нашего, предлагаемъ имъ здѣсь выписку изъ любопытнаго и занимательнаго Путешествія по Тавридѣ, недавно изданнаго Н. М. Муравьевымъ-Апостоломъ.

»Вчера въ вечеру подѣхавъ къ Бакчи-сараю и спустившись въ ущелину, въ которой онъ лежипъ, я засвѣпло успѣлъ только проѣхавъ длинную улицу, ведущую къ Хан-сараю (т. е. къ Ханскому Дворцу) на восточномъ концѣ города находящемся. Солнца давно уже не видно было за горами и сумракъ начиналъ стущаться, когда я вступилъ на первый дворъ *сарая*. Это не помѣшало мнѣ пробѣжавъ по термамъ и дворамъ Таврической *Аламбры*; и чѣмъ менѣе видимы спановилися предмѣты, тѣмъ живѣе дѣлалася игра воображенія моего, наполнившагося радужными цвѣтами восточной поэзіи.

Я поведу тебя, мой другъ, не изъ покоевъ, но такъ какъ должно опъ виѣ-

шнихъ воротъ, въ копорыя проѣздъ съ улицы, по мосту чрезъ узкую *Грязную рѣчку*, Сурукъ-су. Прошедъ въ ворота, ты на первомъ дворѣ; на противоположномъ Паралелограмѣ, коего, противуположный входу, малый бокъ, граничитъ съ садовыми перасами; оба же большіе, заняты на лѣвой споронѣ Мечепью и службами; а съ правой, дворцемъ состоящимъ изъ смѣжныхъ не одинаковой высоты зданій. На этой правой споронѣ, чрезъ ворота подъ спроеніемъ находящіяся, ты проходишь во внутренній дворъ, гдѣ тыпъ часъ на лѣвой рукѣ, представляющія тебѣ желѣзныя двери, пестро въ Аравскомъ вкусѣ украшенныя, съ двуглавымъ надъ ними орломъ, занявшимъ мѣсто Оптоманской луны.

Переслупивъ за порогъ, ты въ про-

спранныхъ сѣняхъ, на мраморномъ помостѣ и на правой рукѣ видишь широкое крыльцо ведущее на верхніе палаты. Но сперва остановимся въ сѣняхъ и посмотри́мъ на два прекрасные фонтана, безпрестанно льющіе воду изъ естественны въ бѣлыя мраморныя чаши: одинъ насупротивъ дверей; другой поплѣчь на лѣво.

Дабы не оставить ничего недосказаннымъ о семъ нижнемъ помостѣ, замѣтимъ широкій корридоръ отъ лѣваго угла, противуположной входу сѣбны, ведущей прямо въ домовую Ханскую божницу, надъ дверью коей начертано:

Селамидъ-Гирей Ханъ, сынъ Гаджи-Селимъ Гирея Хана *.

* Селамидъ владѣлъ отъ 1587 по 1610.

Другая дверь того же корридора на лѣво, даесть входъ въ большую комнату, гдѣ диванъ вокругъ спѣнь, до половины покоя, съ мраморнымъ посреди онаго водометомъ. Это убѣжище прелеспно прохладою въ знойные часы, когда раскаляются опъ жару окружающія Бакчисарай горы. Третья дверь ведетъ въ Ханскій Диванъ, и. е. въ комнату, гдѣ собирался Государспвенный Совѣтъ; въ нее естъ входъ и чрезъ переднюю, съ наружи опъ большаго двора.

Когда я опишу тебѣ одну изъ залъ верхняго жилья, ты будешь имѣть понятіе о всѣхъ прочихъ, разспвующихъ между собою однимъ только большимъ или меньшимъ украшеніемъ на спѣнахъ. Какъ фасадъ спроенія не по прямой черпѣ а городками, то первое должно замѣтитъ, что главныя залы освѣще-

ны съ прехъ споронъ ; п. е. всѣ изъ
 фасады выспупающія оныхъ спѣны ,
 всплошь окончаныя. Другаго входа въ
 залу нѣтъ кромѣ одной двери боковой ,
 не примѣтной между пиластрами Арав-
 скаго вкусу , между коими и шкафы ,
 такъ же не примѣтные , находящіяся по
 всей темной стѣнѣ спѣнѣ. Надъ оными
 (въ лучшихъ залахъ) спекла съ нутри и
 съ наружи покоя , до потолка , между
 коими споятъ украшенія лѣтной рабо-
 ты , какъ то чаши съ плодами , съ
 цвѣтами , или деревцы съ чучелами
 разныхъ птицъ. Потолки такъ же какъ
 и темная спѣна сполярной работы и
 весьма красивы : это тоненькая вызо-
 лоченная рѣшетка , лежащая на лако-
 вомъ грунѣ , густаго краснаго цвѣ-
 та ; на полу я увидѣлъ знакомыя мнѣ въ
 Испаніи *Эстеры* п. е. рогожки весьма

искусно сплетенныя изъ прорисника ,
 родъ *гениста* и употребляемыя вмѣ-
 сто ковровъ на полахъ кирпичныхъ или
 каменныхъ. Для защиты отъ яркости
 лучей въ комнаѣ съ трехъ сторонъ
 освѣщенной , кромѣ спавней служащъ
 еще и цвѣтныя , узорчатые стекла въ
 окнахъ , любимое рыцарскихъ замковъ
 украшеніе , безъ сомнѣнія занятое Ев-
 ропейцами отъ воспочныхъ народовъ ,
 во время крестовыхъ походовъ. Если
 въ заключеніе сего общаго описанія пы
 представишь себѣ диванъ , п. е. по-
 душки , нѣкогда изъ шелковыхъ тка-
 ней , на полу лежащія вокругъ всѣхъ
 спѣнь , исключая темной , пы будешь
 имѣшь понятіе о лучшихъ залахъ двор-
 ца , кромѣ трехъ или четырехъ , пере-
 дѣланныхъ для Императрицы Екате-
 рины II., въ Европейскомъ вкусѣ , съ

высокими диванами, съ креслами и сполами. Сія послѣдняя утварь особливо драгоцѣнна для насъ *крещеныхъ*, ибо во всѣхъ спранахъ гдѣ проповѣдуется Коранъ, правовѣрные вмѣсто споловъ употребляютъ низкія круглыя скамьи, на копорыя спавяптъ подносы и ѣдятъ на нихъ сидя, поджавъ подъ себя ноги, на полу.

Ты легко догадаешься можешь, что въ споронѣ опъ сего спроенія находился гаремъ, не приспущный для всѣхъ, кромѣ Хана, и для него одного имѣющій сообщеніе чрезъ корридоръ съ Дворцемъ. Эпа часъ болѣе всѣхъ въ упадкѣ. Разныя домики, въ коихъ нѣкогда жерпвы любви, или лучше сказатъ любоспраспія, помилися въ неволѣ, представляютъ теперь печальную карпину разрушенія: обвалившіеся

пополки, изломанные полы. Время со-
 крушило узилище; но что въ томъ
 пользы, когда поже время рокомъ узни-
 цамъ опредѣленное, пропекло для нихъ
 безоправно, въ рабскихъ угожденіяхъ
 одному, не по сердцу избранному дру-
 гу, но жестокому власпелину! — На
 краю сего Гарема, споймъ на большомъ
 дворѣ, высокая шеспиугольная бесѣд-
 ка, съ решепками вмѣсто оконъ, изъ
 копорой, какъ сказываютъ, Ханскія
 жены, не видимыя смопрѣли на игры,
 въѣзды Пословъ и другія позорища.
 Иные говорятъ, что будто бы пупъ
 Ханъ любовался фазанами и показы-
 валь ихъ любимицамъ своимъ. Это по-
 слѣднее поному только върояпно, что
 пѣпухъ съ семействомъ своимъ, естъ
 единспвенная карпина, копорую су-
 пругъ-Мусульманъ можетъ предспав-

лять невольницамъ своимъ въ оправданіе многоженства. — Между сею полу-согнивною бесѣдкою и комнатою, о которой я говорилъ, на нижнемъ помостѣ, съ мраморнымъ фонпаномъ, есть прекрасный цвѣпникъ, гдѣ миртъ и розы могли нѣкогда внушать пѣсни Тапарскому Анакреону.

Но пора оставить сіи груды пѣснѣищъ памятники невольничества и выйти подышать на чистомъ воздухѣ. Выходъ насупротивъ большихъ воротъ, на концѣ двора, къ горѣ примыкающагося, перасы въ чешыре успуна, на коихъ плодоносныя деревья, виноградъ на решепкахъ и прозрачные испочки, съ успуна на другой лѣющіеся въ каменные бассейны. Можетъ быть нѣкогда Мурзы-Царедворцы, уподобляя Гиреевъ съ владыками Вавилона, срав-

нивали и перасы ихъ съ висющимися садами Семирамисы : но теперь Крымское чудо сіе представляеть видъ опустѣнія , такъ какъ и всѣ памятники въ Тавридѣ. Болѣе всего жаль драгоценѣйшаго здѣсь сокровища , воды : многія прубы уже засорились , а нѣкоторыя источники и совсѣмъ исчезли.

За Мечетью , внѣ двора , кладбище Хановъ и Султановъ владѣтельнаго дома Гиреевъ. Прахъ ихъ покоится подъ бѣлыми , мраморными гробницами , осѣненными высокими тополями , орѣховыми и шелковичными деревьями. Тутъ лежатъ Менгли и опецъ его , основапель могущества Царства Крымскаго. Всѣ памятники покрыты надписями.

Прежде нежели оставимъ сію юдолю сна непробуднаго , я укажу тебѣ опѣ

сюда на холмъ , въ лѣво отъ верхней садовой террасы, на коемъ стоить красивое зданіе съ круглымъ куполомъ : это мавзолей прекрасной Грузинки , жены Хана Керимъ-Гирея. Новая Заира, силою прелесней своихъ , она повелѣвала тому , кому все здѣсь повиновалось; но не долго : увяль райскій цвѣтъ въ самое утро жизни своей , и безоправданный Керимъ соорудилъ *любезной* памятникъ сей , дабы ежедневно входилъ въ оный и упѣшавъ слезами надъ прахомъ незабвенной. Я самъ хотѣлъ поклониться гробу красавицы , но нѣтъ уже болѣе входа къ нему ; дверь наглухо заложена. Спранно очень , что всѣ здѣшніе жители непременно хотѣвъ , что бы эта красавица была не Грузинка а Полячка , именно какая-то Попоцкая , будто бы похищенная Ке-

римъ-Гиреемъ. Сколько я ни спорилъ съ ними, сколько ни увѣрялъ ихъ, что преданіе сіе не имѣетъ ни какого историческаго основанія и что во второй половинѣ XVIII вѣка не такъ легко было Тапарамъ похищать Полячекъ; всѣ доводы мои остались безполезными: они спояшъ въ одномъ: Красавица была Попоцкая; и я другой причины упорству сему не нахожу, какъ развѣ принятое и справедливое мнѣніе, что красота женская есть, такъ сказать, принадлежность рода Попоцкихъ.»

Стран. 3.

Гяуру сердце опдала.

Тѣ ошибаются, которые пишутъ *Джяуръ*.

Стран. 20.

Кивошъ печалью озаренный.

должно читать :

Кивошъ печально озаренный.

С. 100

RECEIVED

ВУЗЪ АКАДЕМИИ НАУК СССР

[illegible]

12-11-61 12-11-61 12-11-61

DO NOT WRITE IN THESE SPACES

089165M 024673M 000000M

Puškin, Aleksandr Sergeevič,

Bachčisarajskij fontan

Moskva 1824

Rar. 4481

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10862333-4